

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.12

DOI: 10.19073/2306-1340-2017-14-3-6-11

СОЦИАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ И ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

РУДИ Амина Шамильевна*

✉ amina_rudi@mail.ru

Пр. К. Маркса, 35, Омск, 644046, Россия

Аннотация. В статье представлен подход к устойчивости социальной системы как феномену сохранения общества посредством осуществления необходимых для данного сохранения изменений. Актуализировано понятие «легитимность», выражающее соответствие существующего правопорядка и действующей власти универсальным принципам человеческого и социального бытия. Легитимность интересна как социальное согласие, достигаемое в динамике общественной жизни. Она означает принятие правовых и политических норм субъектами взаимодействий и невостребованность силовых ресурсов для поддержания правового порядка. Культурная идентичность рассмотрена как фактор социальной устойчивости. Культурная идентичность народа связана, с одной стороны, с этнонациональной и региональной идентичностью, а с другой стороны – с самоопределением людей как граждан целостного государства и носителей исторических ценностей определенной страны. Обозначены правовые возможности обеспечения сложной устойчивости поликультурного социального образования.

Ключевые слова: устойчивость, социальная система, право, легитимность, культурная и региональная идентичность.

Social Sustainability and Legal Guarantees of Cultural Identity

Rudi Amina Sh.**

✉ amina_rudi@mail.ru

35 K. Marksa pr., Omsk, 644046, Russia

Abstract. The article presents an approach to the sustainability of the social system as a phenomenon of the preservation of society via the changes. The notion of “legitimacy” is actualized, expressing the correspondence of the existing law and order and acting authority to the universal principles of human and social life. Legitimacy is interesting as a social consensus, achieved in the dynamics of social life. It means the adoption of legal and political norms by the subjects of interactions and the lack of demand for power resources to maintain the legal order. Cultural identity is considered as a factor of social stability. The cultural identity of the people is connected, on one hand, with ethno-national and regional identity, and on the other hand, with the self-determination of people as citizens of an integral state and carriers of the historical values of a particular country. Legislative opportunities for ensuring the complex sustainability of multicultural social education are indicated.

Keywords: sustainability, the social system, law, legitimacy, cultural and regional identity.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-33-01033 «Конструирование устойчивой модели социальной реальности».

* Профессор кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения, доктор философских наук, доцент.

** Professor of the Department of History, Philosophy and Culturology at Omsk State Transport University, Doctor of Philosophical Sciences, Docent.

Устойчивость понимается как способность сохранения объектом своей идентичности, существенных свойств под воздействием различных факторов и на фоне неизбежных изменений (внешней среды и отдельных качеств самого объекта). В первом приближении содержание данной категории неразрывно связано с феноменами статичности и консервации, следовательно, воспринимается как противоположность изменчивости. Зачастую использование термина «устойчивость» этим первым приближением, поверхностным смыслом и ограничивается в неспециальных дискурсах. Однако философско-правовое мышление, фокусируясь на прояснении смыслов понятий и экспликации всей полноты их значений, подразумевает ответственное словоупотребление.

Потребность усиления объяснительных возможностей категории устойчивости применительно к понятиям правовой и социальной систем обращает внимание исследователей к онтологической природе устойчивости сложных динамических открытых систем. Онтологический аспект уже в самой дефиниции устойчивости обнаруживает указание на взаимообусловленность устойчивости и изменчивости. Объект тогда устойчив, когда под влиянием изменчивых обстоятельств он не исчезает, а сохраняет себя, расширяя диапазон вариантов своей явленности. В органической природе подобные процессы обозначаются как адаптационные.

В общей теории систем актуализируются такие свойства изменчивых, но остающихся самотождественными объектов, как самореферентность и аутопоэтичность [6]. Социальная система признается самореферентной и аутопоэтичной. Для своего сохранения ею осуществляются переходы из одного состояния в другое, периодические смены содержания во времени. Социальная система изменчива в той мере, в какой «любые изменения коррелятивно связаны с чем-то инвариантным, устойчивым и, наоборот, инвариантные структуры предполагают вариативное, изменчивое» [4, с. 87]. Фиксация этих свойств означает невозможность универсальной теоретической модели оптимального политико-правового или социально-экономического устройства, статистическую прогнозируемость результатов управленческих решений, а также непригодность для одного сообщества стабилизационных мер, оказавшихся эффективными в другом сообществе.

В контексте правовой реальности проблема социальной устойчивости закономерно коррелируется с мерами государственного принуждения, обеспечивающими действие объективных и обязательных правовых норм. Соответственно, в дестабилизированной социальной системе ведущая роль отводится жесткому государству и его надзору за социальными субъектами. Однако при таком подходе недооцениваются разнообразие правовых возможностей обеспечения социальной устойчивости и угроза этатизма.

Резонно обратиться, например, к одному из основополагающих понятий теории государства и права – легитимности, означающей законность, правомерность существующего порядка, устанавливаемого и поддерживаемого властью. Легитимность выражается принятием правовых и политических норм субъектами взаимодействия, опорой власти на народную поддержку. Легитимность служит одним из факторов социальной устойчивости, и при состоятельности этого фактора не требуется значительных силовых ресурсов для поддержания правового порядка. В онтологическом смысле легитимность указывает на соответствие существующего правопорядка и действующей власти универсальным принципам человеческого и социального бытия. М. Вебер выделял аффективную, ценностно-рациональную и религиозную составляющие легитимности и подчеркивал приоритетную значимость неформальных санкций по сравнению с судебным приговором [1, с. 639–641].

Очевидно, что политическая стабильность достигается благодаря поддержке и доверию граждан к закону и действиям государства. Такое доверие формируется в условиях разумного правового регулирования, отсутствия волюнтаристского вмешательства в законодательство, последовательного и постепенного обновления условий социальной жизнедеятельности, позволяющего людям естественным образом адаптироваться к вносимым изменениям без ощущения экстремальности ситуации и с пониманием целесообразности реформ, осуществляемых государством в интересах его населения.

Богатство видов правовых норм учитывает разнообразие форм поведения индивидов и взаимодействия рациональных субъектов социальной деятельности, предполагая значительную долю саморегуляционных процессов в общественной системе. Методы правового регулирования не ограничиваются строгой

категоричностью требований, исключаящей вариативность регулируемого поведения, что характерно для императивных нормативно-правовых актов (преимущественно представленных в административной отрасли материального права). Значительная свобода выбора частных форм разрешения противоречий в рамках общих требований закона предоставляется диспозиционными правовыми нормами, например, трудовой или гражданской правовой отраслей. Не обязательные, а желательные для государства и устойчивости социума формы поведения представлены рекомендательными нормами права. По мере развития правовой культуры и гражданского самоконтроля в обществе предвидится увеличение количества рекомендательных норм в счет уменьшения числа норм императивного порядка. В то же время часть общественных отношений, регулируемых рекомендательным правом, предположительно освободится и от этого способа государственного контроля. Позитивное санкционирование и меры поощрения одобряемого государством и полезного для общества поведения социальных субъектов, добросовестно исполняющих свои обязанности и достигающих исключительно высоких результатов, предписываются поощрительным видом правовых норм.

Детальный контроль – надзор, осуществляемый государством в рамках макросоциального пространства, свойственен тоталитарному режиму государственного управления. В демократических сообществах он институционализирован в отдельных органах государственной власти, имеющих ограниченную сферу компетенции.

Признание изменчивости социальной системы отражается в системе правовых норм, закрепляющих незыблемую форму допускающему внутреннюю изменчивость содержанию социального взаимодействия. В таком случае встает вопрос о границах допустимой (для безопасности и сохранности социума) изменчивости этого содержания. Вероятный ответ: изменения содержания допустимы, пока не влекут изменения формы (правового государства), т. е. достаточно протяжены во времени, чтобы люди могли успешно освоить новые социальные условия, и не настолько масштабны, чтобы требовать для себя другой формы. При этом правовая си-

стема не может быть дана как универсальный абсолютизм. Будучи привязанной к культурно-историческим реалиям конкретного общества, она пребывает в процессе уточнения, дополнения, адаптации к неминуемым изменениям содержания социальной жизни.

Мировая и российская судебная практика, в области конституционного права в частности, дает немало материала для создания ряда прецедентов, указывающих на допущение самостоятельной корректировки государственно-правового механизма суверенным государством исходя из необходимости соблюдения баланса конституционно защищаемых ценностей и общенациональных интересов страны. Создание и изменения законодательства обуславливаются особенностями политического развития данного сообщества и должны выражать волю суверенного народа².

Одним из основных факторов социальной устойчивости является культурная идентичность народа, связанная, с одной стороны, с этнонациональной и региональной идентичностью, а с другой стороны, с самоопределением людей как граждан целостного государства и носителей исторических ценностей определенной страны. Этот сложносоставный феномен отражает принятие людьми культурных норм (прежде всего поведенческих паттернов, ценностей, языка) той группы, к которой они себя относят. В современном мире, в сложно дифференцированном обществе человек, как правило, принадлежит к множеству групп и ощущение личной безопасности, а также устойчивости среды существования напрямую зависит от согласованности нормативных систем различных групп, что в рамках государства решается на правовом уровне.

Наиболее устойчивы из всех социокультурных групп прошедшие своеобразный исторический отбор этносы, определяющее влияние которых на культурное пространство социальных субъектов обеспечивается самым продолжительным временем существования этнической группы по отношению к иным идентифицирующим человека сообществам. Принадлежность к этносу является фундаментальным способом «фиксации» индивида в бытии. Поэтому этнос воспринимается человеком как наиболее надеж-

² По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 21 дек. 2005 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 3, ст. 336.

ная группа, способная обеспечить необходимую меру защиты и безопасности. В изменчивых условиях современного мира человеку (нуждающемуся в безопасности, в единении с другими, в прогнозируемости происходящего) естественнее всего обратиться к своим исторически устойчивым этническим корням с их ясными культурными ориентирами.

Избегание вопросов различий этнокультурной идентичности в практике многонационального государства невозможно: правовое регулирование должно учесть разницу восприятия норм, следующим образом описываемую, например, В. М. Золотухиным: «То, что для носителя европейской культуры выглядит унижением и неравенством, представитель исламской цивилизации может воспринимать как вполне естественное и даже одобряемое. И, наоборот, нормы, которые для европейца ассоциируются со свободой и правом выбора, мусульманин может считать символом вседозволенности, распущенности, унижения достоинства человека» [3, с. 23]. Стоит присоединиться к исследователям, рассматривающим учет национально-этнических отличий не как отказ от идеи всеобщности прав человека, а как обнаружение вариантов их практической реализации.

Сложность регулирования полиэтнических сообществ вызвана не только различиями систем ценностей и качественными отличиями картин мира, но и разницей в возрасте, скорости, направлении развития этносов. Формирование этнической идентичности предполагает как сохранение и обеспечение преемственности внутригрупповых норм, так и их взаимодействие с культурными мирами иных этнических групп. Таким образом, этносы динамически равновесно сосуществуют в границах отдельных регионов.

В рамках культурной идентичности помимо этнической принадлежности можно выделить уровень региональной идентичности. Регион определяется как часть территории Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий³. Поскольку вопросы осуществления региональных программ, обеспечения региональной безопасности, формирования ре-

гионального бюджета относятся к ведению органов государственной власти субъектов Федерации⁴, постольку логично рассматривать регион в его исторической, природно-климатической, экономической, социокультурной целостности как субъект Федерации [5].

Проблема взаимосвязи культурной идентичности и устойчивости социальной системы, а также правовых мер по обеспечению общественной безопасности не имеет однозначного решения. С одной стороны, культуры по определению разделяют людей, отличают их друг от друга, исключая возможность создания однородной, равномерно развивающейся в одном направлении крупной социальной общности. Обострение национально-этнического вопроса всегда чревато угрозой сепаратизма в многонациональном государстве в силу объективно-исторической готовности нации (в отличие, скажем, от народности как другого вида этнической общности) к образованию государства. Национальный принцип территориально-административного деления федерации признается одной из причин распада государства [2]. С другой стороны, искусственная деэтнизация в принципе не способна служить надежным основанием крупного государственного объединения. Подавляющее большинство современных стран являются полиэтническими или многонациональными, и мировой опыт показывает достаточную устойчивость во времени многонациональных государств, предоставляющих действительные гарантии прав всех народов, вплоть до использования двух и более языков в качестве государственных. Один из примеров широких правовых возможностей самоорганизации субъектов государства – параллельные юрисдикции уровня федерации и штатов в США, в которых фактически действует 51 правовая система, что связано с историей возникновения штатов и отражается на разнице законодательных и судебных подходов, скажем, к ряду вопросов отрасли семейного права или к смертной казни.

В культурной идентичности различим и такой уровень широкого самоопределения индивидов и групп, как принадлежность стране, государству. Единство многонационального народа

³ Основные положения региональной политики в Российской Федерации : утв. указом Президента Рос. Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 23, ст. 2756.

⁴ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005.

России укоренено в глубине веков, и при всех возможных религиозных и национальных отличиях отдельные исторические вехи, весь опыт сосуществования необратимо и ощутимо связывают нас в единый культурный конгломерат. Базовой правовой гарантией свободы культурного самоопределения и сохранения национального наследия любым народом Российской Федерации является прежде всего конституционный запрет на пропаганду или агитацию, «возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду», пропаганду «социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» (ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации). Реализация данной нормы обеспечивается, в частности, Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», определяющим как проявления экстремизма «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни», пропаганду «исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии», а также нарушение прав и законных интересов человека на перечисленных основаниях⁵.

Пожалуй, наиболее адекватной потребностям поликультурной социальной устойчивости формой государственного устройства является федерация. Среди ключевых принципов ее организации стоит особо подчеркнуть принцип субсидиарности, подразумевающий федеральную помощь и поддержку для саморазвития региона. Устойчивость федеративного государства напрямую зависит от налаженных механизмов своевременного решения региональных проблем с учетом их социокультурной и экономической специфики.

Рассматривая правовые нормы как естественную часть социальной нормативной системы определенной конкретно-исторической реальности, надо понимать, что исключительно запрещающими нормами социальные целостность и устойчивость не могут быть обеспечены. Чувство исключительности, превосходства может формироваться в течение повседневных процессов, обнаруживающих численное преобладание какого-либо народа либо, например, неразумное осуществление федеральной политики (экономическое, образовательное, кадровое обескровливание провинций в пользу центра).

В качестве первичных стратегических мер укрепления крупной социальной системы, федеративного государства видятся постоянное всемерное укрепление региона, поощрение молодежи к реализации их потенциала на малой родине, культивация чувства региональной идентичности, природно-географической, социально-экономической привлекательности отдельных областей, составляющих культурное богатство и политико-экономическую мощь большой страны. Экстремизм, как известно, зачастую связан с невозможностью отстаивания собственных интересов легитимными средствами. Террор – исторически устоявшаяся форма гарантированного привлечения внимания к частным проблемам отдельной социокультурной общности. Учет культурных особенностей отдельных субъектов и регионов Федерации, своевременная диагностика локальных проблем и быстрое реагирование на них, принятие решений исходя из уникальных условий местности и проживающего там сообщества, конкретно-адресные меры по стабилизации определенных сфер жизнедеятельности в республиках, краях и областях – этот перечень определяет суть местного самоуправления.

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с. (Социологич. мысль Запада).
2. Зайцева Е. С. Причины распада федеративных государств // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 4 (29). С. 13–16.
3. Золотухин В. М. Социокультурная идентичность и право на толерантность // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1 (26). С. 18–24.
4. Огурцов А. П. Изменение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 2. С. 87–90.
5. Потапов М. Г. Регион – субъект федерации: проблемы понимания и соотношения // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3 (32). С. 17–22.
6. Luhmann N. Beobachtungen der Moderne. Opladen: Westdeutsche Verlag GmbH, 1992. 220 S.

⁵ О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.

References

1. Veber M. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [The Basic Sociological Concepts]. *Izbrannye proizvedeniya – Selected Works*. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 639–641.
2. Zaytseva E. S. Prichiny raspada federativnykh gosudarstv [The Reasons Leading to Dissolution of Federal States]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii – Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2015, no. 4 (29), pp. 13–16.
3. Zolotukhin V. M. Sotsiokul'turnaya identichnost' i pravo na tolerantnost' [Socio-Cultural Identity and the Right to Tolerance]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2014, no. 1 (26), pp. 18–24.
4. Ogurtsov A. P. Izmenenie [The Change]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. T. 2 – New Philosophical Encyclopedia. Vol. 2*. Moscow, Mysl' Publ., 2001. S. 87–90.
5. Potapov M. G. Region – sub'ekt federatsii: problemy ponimaniya i sootnosheniya [Region and the Subject of Federation: the Problems of Understanding and Correlation]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii – Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2016, no. 3 (32), pp. 17–22.
6. Luhmann N. *Beobachtungen der Moderne* [Observations of Modernity]. Opladen, Westdeutsche Publ., 1992. 220 p.